

Клише *любі друзі* появилось в СМИ в 2005 году. Его значение можно определить как 'бизнесмены в близком окружении президента В. Ющенко'. Это клише имеет негативную стилистическую окраску. В данном контексте, обозначая представителя противоположного политического лагеря, клише тем не менее «переносит» на него отрицательную оценку.

Во всех описываемых случаях украинские вкрапления являются «сигналом» адресату – о том, что он «свой», и находится с адресантом в одном коммуникативном пространстве.

Таким образом, включение в политический текст украинских элементов порождает ряд смысловых и стилистических эффектов. Они повышают выразительность текста и усиливают его воздействие на адресата. Чаще всего украинские элементы используются для выражения сниженных значений, что подтверждает неоднократно высказываемое положение о преобладании негативных оценок в современных публицистических текстах. Частотность употребления украинских вкраплений свидетельствует о поиске новых форм выразительности и формировании нестандартного стилистического приема.

Литература

1. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
2. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
4. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов. – М.: Университетская книга; Логос, 2006. – 384 с.
5. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 151–239.
6. Великий тлумачний словник сучасної української мови. – К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2002. – 1440 с.
7. Солганик Г. Я. Свой текст – чужой текст // Словарь и культура русской речи. – М.: Индрик, 2001. – С. 327–343.

Красовская О. В.

СУДЕБНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ

Одним из актуальных аспектов коммуникативно-прагматической лингвистики является жанровый аспект. В его рамках исследуются разнообразные коммуникативные сферы, создаются типологии выявленных в них речевых жанров, разрабатывается жанроведческая теория (см., например: [6; 7; 8]). Актуальность указанной проблематики связана с рядом причин, главными из которых являются: общая направленность современного языкознания «на анализ речи в прагматическом аспекте» [3, с. 4], а также большое социально-практическое значение вопроса жанрового разграничения речи [9, с. 43].

В этой статье, продолжая изучать судебную коммуникацию, мы анализируем жанровую организацию судебного разбирательства по гражданским делам.

Не имея возможности дать здесь подробное теоретическое осмысление понятия речевой жанр (см., например: [4; 10, с. 72–78; 17]), отметим только, что под речевым жанром мы – вслед за Е. А. Земской, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой, М. Ю. Федосюком и нек. др. исследователями – понимаем устойчивые типы как монологических, так и диалогических текстов (ср. анализ концепции речевого жанра Т. В. Шмелевой в работе: [13, с. 32]).

Итак, в каких жанрах реализуется судебная коммуникация? Каковы особенности их текстового воплощения?

1. Судебное разбирательство – это объемная и потому многожанровая коммуникативная ситуация (в иной терминологии – сложное речевое событие), именуемая сложной жанровой структурой.

Судебный процесс представляет собой макродиалог, который разворачивается по зафиксированному в законе жанровому сценарию. По своей целеориентированности судебный диалог в целом носит исследовательский характер, так как направлен на выяснение истины в правовом конфликте. Однако на отдельных участках судебного диалога могут также решаться некоторые частные задачи: например, допрос свидетеля имеет познавательное значение; при заключении мирового соглашения сторонами диалог направлен на регулирование между ними межличностных отношений; непродолжительные диалогические отрезки могут носить эмоционально-фатический характер (использованную нами схему жанров диалогического общения см. в работе Н. Д. Арутюновой: [1, с. 52–56]).

Законодательные требования к процессуальным жанрам изложены с разной степенью конкретности: для одних жанров устанавливается тематическая специализация (например, для разъяснения участникам процесса их прав), для других – только жанровый план (так, допрос свидетеля начинается с предложения суда рассказать все, что ему лично известно по делу, после чего первым задает вопросы лицо, по заявлению которого вызван свидетель, а затем другие лица, участвующие в деле), для третьих – шаблонная структура (например, доклад судьи должен перейти в микродиалог, в котором судья выясняет, «поддерживает ли истец свои требования, признает ли ответчик требования истца и не желают ли стороны заключить мировое соглашение либо обратиться для разрешения спора в третейский суд»).

Судебная коммуникация реализуется преимущественно в малых жанрах (микродиалогах и непродолжительных репликах), которые группируются вокруг той или иной процессуальной стадии (так называемой «коммуникативной темы», см.: [13, с. 43]) и быстро сменяют друг друга. Ср. протекание стадии объявления состава суда и разъяснения права его отвода (С. – судья, Скр. – секретарь, И. – истец, ПИ. – представитель истцы, О. – ответчик):

С. ...Объявляется состав суда. Судья Чубкина, секретарь Тимошкина, запись процесса осуществляет помощник судьи Харитоновна. Разъясняется право на отвод судье, секретарю, помощнику по мотивам заинтересованности в деле, родственных отношений, а также другим основаниям, которые дают вам право сомневаться в объективности суда. Есть отводы? Истец.

И. Да. У меня отводы судье и секретарю.

С. По каким мотивам?

И. Во-первых, не соблюдается срок рассмотрения дела.

С. Громче. Подходите ближе и в микрофон.

И. (подойдя к микрофону) У меня есть основания для отвода судьи. Первое. Не соблюдается срок рассмотрения дела. В соответствии с законом дело должно рассматриваться в течение двух месяцев. Во-вторых, я не была уведомлена о перенесении заседания на 22 августа. Это нарушает мои процессуальные права. Поэтому у меня есть основания считать, что суд в данном случае является необъективным. (неразборчиво) Основания для отвода секретаря. Обязанностью секретаря является выяснение причин, по которым истец, то есть я, не явилась на заседание 22 августа. Как я уже сказала, главная причина – я была не уведомлена, не получила соответствующего уведомления по почте. И во-вторых, у меня есть больничный лист, который как раз включает 22 августа, то есть причина моей неявки уважительная. Но, в-третьих, если б я знала, что заседание состоится, я бы пришла даже большая. Прошу рассмотреть мое ходатайство.

С. Все у Вас?

И. Да.

С. Садитесь. Представитель, мнение.

ПИ. Я поддерживаю ходатайство, которое заявила истица.

С. (глядя на О.) Ваше мнение.

ПО. Я не поддерживаю ходатайство истца, потому что на 8-е... до 22-го, когда истица... Я присутствовал, когда нас поставили в известность, что будет заседание 22 августа.

С. Все у Вас?

ПО. (кивет)

(С. встает и уходит из зала)

Скр. Прошу всех встать.

(После перерыва, во время которого суд в совещательной комнате рассматривал ходатайство И.)

Скр. Прошу всех встать.

С. Прошу садиться. Судебное заседание объявляется продолженным. Оглашается определение суда от 3 октября 2006 года. (читает составленный в совещательной комнате текст определения) Ж. районный суд в составе судьи Ч. при секретаре Т., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление К. об отводе судьи Ч. и секретаря Т. в деле по иску К. к В. об опровержении недостоверной информации, установил. К. заявила отвод судье Ч. по тем основаниям, что судья нарушает срок рассмотрения дела и не сообщила о рассмотрении дела 22 августа 2006 года, что вызывает у нее сомнение в объективности и беспристрастности судьи. Также К. заявила отвод секретарю судебного заседания Т. по тем основаниям, что она не сообщила ей о переносе судебного заседания на 22 августа 2006 года и не выяснила, по какой причине истица отсутствовала на судебном заседании указанного числа. Суд, выслушав мнение представителя истицы и представителя ответчика, считает, что заявление не подлежит удовлетворению, так как обстоятельства, на которые ссылается истица, не предусмотрены статьями 20, 22 ГПК [Гражданского процессуального кодекса] Украины в качестве оснований для отвода судьи и секретаря. Других оснований истица не указала. Суд не находит оснований для удовлетворения заявления К. Судебное разбирательство продолжить в том же составе суда. Определение обжалованию не подлежит. (откладывая определение в сторону) Представитель истца, у Вас есть отводы?

ПИ. У меня? Нет. У меня... Я же сказала, что я поддерживала...

С. (повышая голос) У Вас лично есть отводы?

ПИ. У меня лично нет.

С. Садитесь. Представитель ответчика.

ПО. У меня...

С. Громче.

ПО. У меня нет.

С. Нет. Садитесь. Сторонам разъясняются их процессуальные права и обязанности. <...>

Приведенный фрагмент распадается на следующие жанры: 1) **объявление** состава суда, переходящее в **разъяснение** процессуальным участникам права его отвода; 2) **информативный микродиалог**, главная цель которого – осведомление судьи об имеющихся у процессуальных участников отводах, включающий в себя **заявление отвода** истицей; 3) **информативные микродиалоги** с остальными участниками процесса (представителем истицы и ответчиком), направленные на выяснение их отношения к заявлению истицы; 4) вынесение **постановления** судьей в связи с заявленным истицей отводом; 5) **информативные микродиалоги** судьи с представителем истицы и ответчиком о наличии у них аналогичных отводов составу суда. При этом наблюдается не только быстрая смена жанров, о которой писала Л. А. Капанадзе [11], но и «порождение» одного жанра другим: целую цепочку жанров в нашем примере вызывает жанр заявления отвода.

Большинство из перечисленных жанровых форм принадлежит к числу комплексных речевых жанров [17, с. 104], «распадающихся» на более мелкие жанры. Так, в структуре микродиалогов выделяются вопросы и ответы; определение судьи отчетливо членится на констатирующую (информативный жанр) и мотивировочно-резолютивную (аналитико-императивный жанр) части и т. д.

Переход от одной микроситуации к другой в рамках судебного диалога, как правило, отражается в «метажанровых» репликах: *Так, устанавливаются личности; Объявляется состав суда; Оглашается определение суда...; Докладываются материалы дела; Суд переходит к судебным прениям* и т.п.

Кроме обязательных процессуальных жанров, на любой стадии судебного разбирательства возможно появление факультативных речевых форм. К ним относятся **возражения** участников процесса против действий судьи (реакция на определение С.: *Прошу занести мои возражения против действий председательствующего в протокол, так как судья препятствует мне в эффективной защите своих прав*) и **предупреждение** судьей нарушителей порядка в судебном заседании (повторное обращение С. к многочисленным представителям О.,

достаточно громко обсуждающим все свои действия: *Суд делает вам предупреждение. В следующий раз вы будете удалены из зала судебного заседания).*

Но и это не весь жанровый репертуар судебного разбирательства. Оно не ограничивается речевыми жанрами, зафиксированными в процессуальном законе. Так, судейское руководство осуществляется не только в постановлениях суда, но и в нерегламентированных **указаниях** (*Возражения свои нам читать не надо. Они же у нас есть*) и **замечаниях** судей (*Доверенность составлена отвратительно. Надо ее писать надлежащим образом. Ладно гражданин не знает, а Вы какая организация*).

Несмотря на ролевой характер судебной коммуникации, в ее ходе возникают и «лично релевантные» (В. В. Дементьев) жанры. Это прежде всего жанры «конфликтной фатики» (см.: [5]) – **перебранки, ссоры** и т. п. между процессуальными оппонентами:

(Из иска пассажира к водителю маршрутного такси)

С. (обращаясь к О.) Скажите, а на какое расстояние Вы отехали [от остановки]?

О. Метров на 100-150.

И. Ка... какое нахальство – 100 – 150!

О. У Вас, наверное, что-то с глазомером.

И. У меня ничего.

О. Оно и видно.

Реже встречаются фатические жанры, улучшающие межличностные отношения между людьми, – например, **комплимент** и **сочувствие** в речевом поведении судьи: (реакция на полную явку участников процесса) *Как хорошо, все явились! Молодцы!*; (из судебного разбирательства в апелляционном суде) *Не расстраивайтесь! Суд просто не рассмотрел все приказы о Вашем увольнении. Если его [решение районного суда] оставить без изменения, будет еще дольше. Они же [имеется в виду ответчик и его представитель] кассационную жалобу подадут.*

2. В судебном процессе сочетаются устность и письменность. В связи с этим один и тот же процессуальный жанр может быть реализован как в устной, так и в письменной форме. Полностью или частично в ходе судебного разбирательства зачитываются постановления суда, принятые в совещательной комнате, заключения эксперта/специалиста. Оформленные в соответствии с требованиями к процессуальным документам, они приобщаются к материалам дела.

В устной форме приводятся к присяге переводчик, свидетели, эксперт/специалист. Подписанный ими текст присяги также обязательно находится в материалах дела.

Параллельное существование одного и того же процессуального жанра в двух формах общения предусмотрено для наиболее значимых процессуальных форм. Хотя опытные процессуалисты – для перестраховки – советуют любые обращения к суду подавать в письменной форме.

3. Как известно, институциональный дискурс представляет собой «специализированную клишированную разновидность общения между людьми» [12, с. 234]. При этом судебное разбирательство – «жесткая разновидность институционального дискурса» [там же, 235]. Процессуальный регламент состоит из строгой последовательности действий, которая служит гарантией полного выяснения обстоятельств правового конфликта, обеспечивает активное участие в судебных заседаниях юридически заинтересованных лиц, придает судебному разбирательству наглядность, устанавливает единообразное рассмотрение дел во всех судах, а также создает некоторые другие преимущества перед иными способами защиты нарушенных прав.

Вследствие этого в жанровой структуре судебного разбирательства значительное место занимает жанр процессуального стереотипа (ср. с термином *городской стереотип* в соответствующих работах [11; 13]). Показателен совет процессуалистов-практиков при создании процессуальных документов использовать обороты, которые содержатся в нормативно-правовых актах. Стереотипный характер носит большинство монологических жанров, исполняемых судьей – объявление состава суда и разъяснение права его отвода, разъяснение других прав процессуальным участникам, предупреждение некоторых участников дела об уголовной ответственности и нек. др.

Даже те жанры, которые строятся по «моделям, носящим довольно общий характер» (К. Кожевникова) [14, с. 53], включают в себя стереотипные высказывания. Так, программа допроса свидетеля разрабатывается в соответствии с конкретными обстоятельствами правового конфликта, она может меняться в зависимости от поведения допрашиваемого, прежде всего от его желания скрыть истину, и мн. др. Однако допрос свидетеля обязательно включает в себя стереотипные вопросы: *В каких отношениях Вы находитесь со сторонами по делу?* и *Что Вам лично известно о рассматриваемом в суде деле?* (или предложение судьи рассказать свидетелю в свободной форме все, что ему известно о конфликте между истцом и ответчиком).

При этом судьи стремятся стереотипизировать даже те процессуальные жанры, которые представляют собой произвольно построенные монологические высказывания. Например, судебные прения – в соответствии с нормой закона – состоят из заключительных речей, содержание которых не подлежит строгой заданности. Ср.:

С. (обращаясь к И.) Слушаем Вас в прениях.

И. Я хочу сказать...

С. (обрывая) В прениях *просят*;

С. (обращаясь к О.) Пожалуйста, Л., в прениях слушаем Вас. Что Вы *просите*?

4. Практическое владение набором основных речевых жанров считается важнейшей составляющей коммуникативной компетенции человека. Становясь стороной судебного разбирательства, процессуальный участник дает объяснения, заявляет ходатайства и отводы, участвует в прениях и т. п. Нарушение жанровых конвенций, т.е. устоявшихся представлений о содержании и форме процессуального жанра, приводит к коммуникативным неудачам. Несколько примеров (П. – судья, председательствующий в судебной коллегии, З. – заявитель в деле):

П. (недовольно перебивая З.) *Это у Вас пояснения или ходатайство, извините.*
 З. У меня ходатайство.
 П. *Так вот конкретно сформулируйте, в чем оно...*
 З. Сейчас я перехожу уже.
 П. Долго переходите.
 П. (реакция на очередной вопрос З., обращенный к оппоненту) *Зачем Вы задаете этот вопрос?*
 З. Я хочу для себя уточнить.
 П. *Не для себя спрашивайте, а то, что имеет значение для суда. Для себя – за пределами судебного заседания. Задайте вопрос, который имеет значение для суда. Для суда.*
 Недопустимы в ходе судебного разбирательства и жанровые подмены:
 (Из спора о праве собственности на сарай)
 И. (после завершения О. объяснений) Можно пояснить?
 П. *Подождите. Есть вопросы?*
 И. ... Есть справка инвентарьбюро, в ней сараи нигде не зарегистрированы.
 П. *Вы меня слышите? Я у вас спросила: есть ли у Вас вопросы? Пояснения Вы уже давали нам свои. Вопросы будут к ответчику?*
 И. Пока нет.

В заключение отметим, что в небольшой статье невозможно сколько-нибудь полно рассмотреть жанровую организацию такого сложного коммуникативного события, как судебный процесс, в котором представлены самые разнообразные речевые жанры – по свободе построения, протяженности, форме воплощения и др. параметрам. Мы ограничились рассмотрением самых общих вопросов. Более частные вопросы жанровой структуры судебного разбирательства освещаются нами в других работах (см., например: [13]).

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / Отв. ред. Т. В. Булыгина. – М., 1992.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М., 1986.
3. Гольдин В. Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи / Отв. ред. В. Е. Гольдин. – Саратов, 1999.
4. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // ВЯ. – 1999. – № 1.
5. Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // ВЯ. – 1999. – № 1.
6. Жанры речи / Отв. ред. В. Е. Гольдин. – Саратов, 1997.
7. Жанры речи / Отв. ред. В. Е. Гольдин. – Саратов, 1999.
8. Жанры речи / Отв. ред. В. Е. Гольдин. – Саратов, 2002.
9. Земская Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи / Отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. – М., 1988.
10. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2006.
11. Капанадзе Л. А. О жанрах неофициальной речи // Разновидности городской устной речи / Отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. – М., 1988.
12. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
13. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. – М., 2005.
14. Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. – М., 1979.
15. Красовская О. В. О речевой коммуникации в судебной практике. – М., 2007.
16. Труфанова И. В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // ФН. – 2001. – № 3.
17. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // ВЯ. – 1997. – № 5.

Крылова А. Б.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СОБИРАТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТАХ

Статья посвящена изучению явления собирательности в грамматике русского языка и характеристике этого явления в современных вологодских говорах. Актуальность проблемы исследования определяется как разрозненностью теоретического осмысления собирательных существительных в русском языке [4; 7; 8; 10], так и отсутствием работ, систематизирующих эти слова в говорах вологодской группы северного наречия. Сложность и многоаспектность описания собирательных существительных во многом объясняется их особым отношением к категории числа. Поэтому в данной работе предпринята попытка интерпретации явления собирательности в связи с различными составляющими этой категории в русском языке в его территориальной проекции. Перспективным решением этой проблемы будет полевой подход, ранее представленный на материале литературного языка в работах И. А. Высоцкой [5].

В русской лингвистике традиционно выделяется два подхода к изучению собирательных существительных. При узком понимании этого явления к собирательным именам существительным относят слова *singularia tantum*, которые имеют морфемные показатели собирательности: это суффиксы *-j-*, *-ник-*, *-ств-*, *-ат-*, *-арий-* и другие, характеризующиеся неодинаковой продуктивностью в различных функциональных разновидностях русского языка. Такую интерпретацию предлагают В. В. Виноградов, А. А. Реформатский, Л. В. Щерба. При широком подходе в эту группу слов включают все существительные, так или иначе передающие идею нерасчлененного множества. Это слова, выражающие данную идею лексически (*толпа, лес, стадо*), морфологически (*хлопья, отрепья*) и синтаксически (*книга учит*). Данная точка зрения содержится в работах В. З. Панфилова, Э. Э. Еселевич. Для каждого из подходов существуют веские лингвистические основания. С одной стороны, в основе всех перечисленных явлений сферы собирательности лежит общий семантический компонент нерасчлененного множества. С другой стороны, это значение эксплицируется ресурсами различных лингвистических ярусов. Поэтому, принимая во внимание все многообразие форм выражения собирательности в русском языке и не желая устанавливать жесткие границы в группе таких слов, обратимся к теории лингвистического поля, согласно которой явления языка – естественно сложившейся